

Траектории современного литературного процесса

УДК 821.161.1-31 (Гранин Д. А.) ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444

Концепция гениальности в творчестве Д. А. Гранина (на материале романа «Вечера с Петром Великим»)

А. М. Лобин

Ульяновск, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция истории Д. А. Гранина, представленная им в романе «Вечера с Петром Великим». Движущей и направляющей силой исторического процесса, по мнению автора, являются люди, одаренные от природы особыми талантами, а также внутренней потребностью к творчеству. В качестве одного из таких гениев Д. А. Гранин рассматривает личность первого русского императора Петра Великого.

Ключевые слова: Литература и история. Роль личности в истории.

A. M. LOBIN. *The Concept of Genius in D. A. Granin's Work (based on the novel "Evenings with Peter the Great")*

Abstract. The article deals with D. A. Granin's concept of history as presented in the novel "Evenings with Peter the Great". The author of the novel argues that historical process is driven and streamlined by people endowed with rare gifts and deep urge to create such as the first Russian emperor Peter the Great.

Keywords: Literature and history. The role of personality in history.

Интерес к истории в обществе закономерно возрастает в переломные моменты жизни общества и на рубеже эпох. Одним из средств ее осмысления в культуре является литературный жанр исторической прозы, обязательным условием функционирования которого является наличие у автора художественной исторической концепции. Чтобы писать об истории недостаточно только знания фактов прошлого — зачастую противоречивых и неполных — нужна определенная историко-философская идея, художественная концепция истории. Одной из наиболее содержательных концепций истории на рубеже XX–XXI веков стала философия истории, сформулированная Д. А. Граниным.

Ее основой является представление автора о смысле истории и роли личности в ней. Исторический прогресс понимается Д. Граниным прежде всего как развитие культуры. Писатель верит в улучшение человеческого рода, в благотворные перемены в человеческих характерах [Финк 1988: 317; Плоткин 1975: 248; Старков 1981: 199]. Ключевую роль в этом процессе играет личность, внутренней потребностью которой является изначально присущее стремление к творчеству и нравственному совершенству. Наиболее полно этот творческий потенциал проявляется в гениях — активно мыслящих, творческих, целеустремленных, даже одержимых людях, которые, таким образом, становятся главным орудием прогресса. Гении, по мнению Д. Гранина, представляют собой совершенно особую породу людей, так как в самой природе гениальности «есть нечто мистическое, недоступное логике... Чутье приходит из глубин подсознания, закономерности его неизвестны» [Гранин 1997: 60–62].

Этой проблеме посвящено большинство его более ранних произведений, таких как «Зубр», «Эта странная жизнь», «Место для памятника» и

многих других. Характер повествования в этих произведениях своеобразен: «в нем запечатлевается интеллектуальный процесс, в который погружается автор, он выступает здесь не столько как рассказчик историй, сколько как исследователь, ведущий поиск... его вопрошания, раздумья, создают интригу, направляют сюжет, задают общий эмоциональный тон» [Лейдерман, Липовецкий 2001: 130]. Эти темы прошли красной нитью через все творчество писателя. Начиная с первых своих произведений, Гранин размышляет о «нравственных критериях, духовных ориентирах научного творчества» [Оскоцкий, 1990: 728].

Наиболее полно гранинская концепция гениальности и ее роли в истории воплощена в романе «Вечера с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М.» (2000 г.) в образе одной из наиболее спорных и харизматических фигур с российской истории — императоре Петре I. Авторская оценка личности главного героя — «Великий» — заложена уже в заглавии произведения. Таким образом, автор сразу определяет свою точку зрения на роль Петра в истории России и свою позицию в рамках петровского дискурса. В итоге автор предлагает читателю еще один мифологизированный образ великого государя-демиурга и для него личность Императора — «своего рода мерка — и положительная, и отрицательная» для оценки правителей (в первую очередь современных)» [Гранин, Оскоцкий 2001: 202].

Представление автора о закономерности реформ, их результатов раскрывается уже в первых главах романа. Социально-экономические предпосылки перемен (о которых так много писал в своем романе А. Толстой) Д. Гранин, видимо, считал общим местом, а потому подробно и не рассматривал. Он ограничился утверждением, что «страна давно уже томилась своей отсталостью от европейских народов» (ВсПВ, 199). Это утверждение Гранина прямо перекликается с приведенным ранее мнением С. М. Соловьева: «необходимость движения на новый путь была осознана... народ поднялся и собрался в дорогу... ждали вождя, вождь явился» [Соловьев 1984: 38]. И по Гранину, Петр также «появился как вулкан, из подземных сил, накопленных веками русской дремоты» (ВсПВ, 34).

Но в оценке реформации Д. Гранин делает основной акцент не на военных и экономических реформах Петра, а на раскрытии его цивилизаторской, просветительской миссии: «он мечтал пестовать свое детище — Академию наук, посылать экспедиции, собирать чудеса природы, заниматься про-

свещением, науками. Строить новую столицу. Туда тянулась его душа» (ВсПВ, 102). В трактовке Гранина методы реформации, использованные Петром, выглядят как в целом необходимые и неизбежные: «зря винят Петра в непомерной строгости, не употребил бы Петр палки, так еще двести лет дремала бы Россия на лежанке, упивалась бы своим святым невежеством и высокой миссией» (ВсПВ, 31).

Поскольку идейным и волевым центром реформации становится личность Петра, Гранин в своих «сообщениях» не отделяет методов деятельности Петра от его характера. Здесь все связано теснейшим образом. Его потешные игры становятся началом реорганизации армии: «игрушечные сабли, алебарды, сменялись на тяжелые металлические» (ВсПВ, 50). Его преобразовательная и просветительская деятельность: «с него начинаются музеи, флот, черепица» (ВсПВ, 150) также была подготовлена детскими играми: «до пятнадцати лет торчал то в кузне, то столярничал, играл в войну, строил крепости, плавал на старом ботике» (ВсПВ, 47). Эти забавы сформировали личность будущего царя: «вдруг, неожиданно для всех, оказывается, что он каменщик, он механик, он столяр... знает строительное дело. Похоже, он станет военным инженером или кораблестроителем» (ВсПВ, 52). Личные таланты и приобретенные знания становятся средством осуществления реформ. Любовь к морю толкает его к завоеванию выходов к морю, строительству флота и Петербурга. Невозможно разделить даже его развлечения и государственную деятельность, поскольку его излюбленные забавы: — Всешутейший собор, шествия и фейерверки становятся не только развлечениями, но и культурологическими акциями, меняющими менталитет подданных (также как и смена одежды и стрижка бород). Акцент на культурологическую составляющую в анализе Петровского наследия вполне соответствует современному состоянию петровского дискурса, в котором военные и экономические достижения оцениваются весьма скромно, а в качестве главного результата реформ рассматривается именно формирование имперской идеологии и перестройка общественного сознания [Лотман, Успенский 1982: 236].

Гранин стремится показать Петра как человека, не лишённого нормальных человеческих слабостей, страстей и увлечений. Петр, при всей его увлеченности реформаторской деятельностью, любил шутки, розыгрыши, веселье, сумасбродные «нецарские» забавы, ставшие проявлением его неординарной натуры: «беден тот, в ком ничего не осталось от ребенка. В Петре сохранился сорванец, бедокур,

выдумщик всевозможных проказ» (ВсПВ, 99). Автор рассказывает о катании Петра на карусели в Дрездене (ВсПВ, 99), о том, как он угостил своих бояр «черепашьим супом» (ВсПВ, 99), как он развлекался «прыгая с льдины на льдину» (ВсПВ, 98). Вынужденный всегда во всем быть самодержцем, он тяготится этой ролью. Его игры в «бомбардира Петра Алексея», его «потехи» и есть отдушина, средство хоть изредка освободиться от этой роли [Ключевский 1993: 57].

Д. Гранин так же, как Д. Мережковский и А. Толстой, показывает множество фактов, поступков, привычек, раскрывающих черты характера Петра. Но если у Д. Мережковского «зверские» и человеческие черты противопоставлены, что создает образ изначально двойственный, [Флорова 1997: 19] а Толстой раскрывает Петра за счет отбора фактов, создавая целостный привлекательный образ Петра, то у Гранина противоречивые черты петровской натуры сходятся, как множество лучей в одной точке, и в результате прочтения «Вечеров с Петром Великим» читатель выносит представление о личности выдающейся, самоотверженной и по-человечески привлекательной. В данном случае автор не навязывает свою точку зрения читателю прямо, хотя отбор материала и трактовка его Д. Граниным оставляет читателю ведомую роль [Загороднюк, 2013: 9].

Обаяние личности Петра, которому в интерпретации Гранина невозможно не поддаться, ярче всего проявляется именно на личном, поведенческом уровне. Петр великодушен: «когда Петру калялись, ничего не утаивая, он успокаивался... а то и вовсе прощал» (ВсПВ, 187), подробно описан известный эпизод приглашения на обед пленных шведов, которым он «задал для русского общества тон милосердного отношения к побежденным» (ВсПВ, 133). В рассказе истории казни царевича Алексея Гранин вновь подчеркивает природную, глубинную человечность Петра, проявившуюся в колебаниях Петра, его попытках опереться на беспристрастное решение суда, когда Петр «никак не мог решиться, тянул время и не подписывал» (ВсПВ, 256).

Очевидно, что масштаб личности, приписываемый Петру Граниным, далеко выходит за пределы понятия «прогрессивный государственный деятель» и автор прямо называет своего героя гением: «гений Петра сложный» (ВсПВ, 103), «мощное поле Петра индуцировало в людях отклик. Общение с гением всегда возвышало людей» (ВсПВ, 117), ему свойственно «превосходство гения, знающего себе цену» (ВсПВ, 217) и пр. Эта мысль о гениальности Петра — основа концепции Д. Гранина и в

романе поднимается постоянно. Она доказывается дружбой реформатора с Лейбницем и контактами с другими европейскими учеными (Ньютоном, Делилем, Реомюром, Рюйшем, Левенгуком и др.), его инстинктивным стремлением к красоте, созданием Петергофа и Монплезира. Эта гениальность психологически мотивирует реформаторскую деятельность Петра как свойственное ему от природы стремление к творчеству, к преобразению мира.

Универсальность петровского гения является источником его неиссякаемой энергии, разнообразия его интересов. Многие неприличные государственному деятелю увлечения Петра — медициной, токарным и плотницким делом — Гранин объясняет страстью Петра к научно-исследовательской деятельности: «его вело любопытство чистое, без каких-либо практических побуждений... которое рано или поздно приводит к размышлению» (ВсПВ, 60). Петр сознательно культивирует эти качества в себе и от других так же требует работы творческой — основное и самое страшное обвинение, которое предъявляет он (по версии Гранина) царевичу Алексею: «дара к чему-либо не проявилось... не работник, не умен, нерешителен» (ВсПВ, 249). А тех, «кто вернулся из заграничного учения и ничему не научился лупил палкой, лишал должности, посылал в матросы» (ВсПВ, 143).

Еще одно, не менее значимое, чем гениальность, и также изначально присущее Петру качество — воля: «феномен Петра заключается в его воле» (ВсПВ, 33), именно эта черта его личности позволяет ему осуществить задуманное и выгодно отличает его от других «способных правителей».

Талант и воля — качества, необходимые и в полной мере присущие Петру, но в сравнении с другими историческими деятелями той эпохи и сподвижниками Петра автор выделяет еще одну грань его личности, делающую Петра истинно Великим. Это его бескорыстное служение Отечеству: «считал себя всего лишь инструментом в руках Господа, он служил идее самодержавия» (ВсПВ, 205), поэтому осознавал свою ответственность перед Историей и потомками. Его нелюбовь к роскоши, колоссальное трудолюбие, готовность идти на риск — лишь внешние признаки его самоотверженного служения, подробно описанные в романе.

И напротив: король Карл XII также наделен и талантом, и волей: «его любили — за что? В нем была идея служения. Не народу, не стране — войне» (ВсПВ, 142). И в этом главное различие между ним и Петром: если Петр «ведет войну, чтобы выйти к морю. Война — инструмент» (ВсПВ, 130), то Карл

«мечтал... прославиться на весь мир» (ВсПВ, 131). В итоге Петр одержал Полтавскую победу, «которая не разрушала, а создала, приобщив к европейской жизни значительную часть земного шара» (ВсПВ, 137), а Карл «изнурил свою страну, разорил ее» (ВсПВ, 142).

Идея о сверходаренности Петра Великого принципиально важна в исторической концепции Д. Гранина, поскольку с этой точки зрения, личная мотивация Петра в его стремлении реформировать Россию, выглядит уже не как осознанная историческая необходимость, а скорее как свойственная универсальному гению Петра стремление к творчеству, к преобразению мира. Кроме того, такая позиция выводит роман за рамки собственно исторического дискурса о Петре, поскольку проблемы, рассматриваемые в «Вечерах...», все же намного шире, это уже вечные нравственно-этические вопросы о соотношении Добра и Зла, допустимости насилия, соотношении Гения и Злодейства и пр.

Нравственно-этическая концепция истории Д. Гранина, изложенная в его публицистике реализована в романе «Вечера с Петром Великим» прежде всего на примере самого Петра, но и другие герои также значимы. Показательна судьба Меншикова, который «себя не берег... Но себя и не забывал... Брал по крупному» (ВсПВ, 268), и эта «алчность до денег, до власти, безмерная, все растущая» (ВсПВ, 276) в конце концов погубила его. Очень жестко и без всякой «многогранности и неоднозначности» оценен Петр Толстой: «вор, злодей, преступник» (ВсПВ, 8), «навсегда запятнал себя графским достоинством» (ВсПВ, 396) полученным ценой преступления. Достаточно подробно и нелюбезно изображены предатель курфюрст Август, король Людовик, изменница и взяточница Екатерина и др.

Концепция истории Д. Гранина универсальна и относится не только к гениям: «человек не может подобрать себе гены гения, но и того, что он получил от рождения, не использует... Ум все больше уходит в наживу, корысть... Радость творческой жизни становится редкостью, доступной немногим» [Гранин 1997: 76]. Этот мотив, стремление к творчеству, можно определить как духовность, то есть «умение подчинять себя служению высоким общественным идеалам. Чтобы жить духовно, человеку требуется не гениальность, а «какая-то вера, которая его воодушевляет. Тогда человек способен совершить много больше того, что ему самому кажется...» [Гранин 2000: 3]. Поэтому ведущую роль в истории, по Д. Гранину, играет не только природная

гениальность, но и нравственный выбор личности в определенных исторических обстоятельствах.

Оригинальность же гранинской концепции заключается в оценке движущих сил истории: игнорирование социально-экономических факторов и акцент на личную волю Петра, а также специфика понимания природы и роли гениальности правителей в мировой истории. У Гранина появление феномена Петра представлено как результат некоего метафизического промысла. Такое понимание исторического процесса Д. Граниным в основных своих чертах созвучно предложенной Л. Н. Гумилевым т. н. «пассионарной теории этногенеза», в рамках которой он описывает исторический процесс, как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами.

Д. Гранин не использует предложенной Л. Н. Гумилевым терминологии и таких аспектов его теории как «этническая система», «пассионарный толчок» и пр., но авторское понимание природы гениальности вполне укладывается в гумилевскую концепцию «пассионарности», как социально-исторического явления, характеризующегося появлением в ограниченном ареале большого числа пассионариев: людей со специфической социальной активностью, вызванной врожденной способностью получать из внешней среды энергии больше, чем это требуется только для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по видоизменению окружающей их среды. Гранинское определение гения как «вспышки Природы», по сути, мало чем отличается от объяснения пассионарности мутациями, вызываемыми космическим излучением, которое предлагает Л. Н. Гумилев.

ЛИТЕРАТУРА

Гранин Д. А., Оскоцкий В. Чему учит история // Вопросы литературы, 2001, № 3. С. 176–204.

Гранин Д. Во что я верю // Аргументы и Факты, 2000. № 37. С. 3.

Гранин Д. А. Страх. СПб, БЛИЦ, 1997. — 344 с.

Ключевский В. О. Русская история. Кн. 3. М.: Мысль, 1993. — 559 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Великого // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 236–250.

Загороднюк А. Н. Читатель в мире Андрея Платонова // Вестник УлГТУ, 2013, № 3. С. 9–11.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3-х кн. Кн. 2. Семидесятые годы (1968–1986). Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 288 с.

Оскоцкий В. В творческом мире Даниила Гранина // Гранин Д. СС в 5тт., Т. 5. Л.: Художественная литература, 1990. С. 728–730.

Плоткин Л. Даниил Гранин. Л.: «Советский писатель», 1975. — 248 с.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. — 232 с.

Старков А. Нравственный поиск героев Д. Гранина. М.: «Художественная литература», 1981. — 199 с.

Финк Л. А. Необходимость Дон-Кихота. Книга о Данииле Гранине. М.: Советский писатель, 1988. — 320 с.

Флорова Л. Н. Трилогия Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист»: история изучения и вопросы поэтики. Автореф. ... канд. филол. наук. М.: МГОПУ, 1997. — 20 с.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лобин Александр Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, издательского дела и редактирования Ульяновского государственного технического университета.

Адрес: 432048 Ульяновск, ул. Кирова, 34–37

Эл. почта: amlobin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lobin Alexandr Mehilovich is a Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Publishing Business and Editing Ulyanovsk Technical State University.